

Александр Лукич ВОЛКОВ

родился в 1928 году в деревне Эссойла в Карелии.
 Автор десятков статей в защиту карельского языка
 и книг «Маленькая Дессойла» (1993 г.),
 «Pieni Dessoilu» (1997 г.), «Вечный огонь» (2000 г.),
 «Vellen syvään» (2001 г.), «Поздняя осень» (2003 г.),
 «Jarvet Karjalaa» (2003 г.), «Слово о ливах» (2004 г.),
 «Hiilissugis» (2009 г., Таллин) и других.
 Один из составителей антологии
 финно-угорской поэзии «От Югры до Балатона».
 Член Союза писателей России.
 Заслуженный работник культуры
 Республики Карелия.
 Лауреат премии «Сампо» (2007 г.).

**Александр
 ВОЛКОВ**
 г. Петрозаводск

*«Наши мысли
 без речи мертвы...»*

НАШ ЯЗЫК

Наш язык не наречье, не говор,
 Наши мысли без речи мертвы.
 Жизнь сама невозможна без слова,
 Как без воздуха, хлеба, воды.

Наш язык — это ангел-хранитель
 Нашей Родины, наших имен,
 От напастей лихих исцелитель,
 Дар бесценный ушедших времен.

Наш язык от природы, от Бога,
 Диво разума, чудо творца,
 Солнца свет и звезда над дорогой —
 Пусть живет он, не зная конца.

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Опавшие листья,
 Светлы тополя,
 Как в городе лисьем
 Пылает земля.
 Желтеют, краснеют,
 Рябеют, гниют
 И сгинут, ржавая,
 Травой зарастут.

Опавшие листья
 Не в парке пустом,
 А вечером мгlistым
 На сердце моем.

В ЛОДКЕ

Ветер вал вздымает, крутит волны:
 Не волна страшна — подводный камень,
 Выйти может боком крен невольный,
 Не дрожит кормило под руками.

Нынче гребни выше белых чаек,
 Лодка, будто люлька на оцепе.
 Грозную волну веслом встречая,
 На веревке не удержишь ветер.

Быстрая вода, как губы девы,
 Их до боли сладкой сердце любит:
 В шуме волн прибрежных скал напевы
 Не услышишь — озеро погубит.

Жизнь — верста, а то и сажень, слово
 Бьется чайкой плачущей порою.
 Каждый день ждешь доброго улова...
 Есть надежда — с новой зарею!

Перевод Олега Мошникова

НА ПОРОГЕ

То не солнце по дальним покосам —
 время движется, круг завершая.
 Над родительским старым погостом
 засыхает сосна вековая.

Годы мне то обхватят колени,
 то навалятся тяжко на плечи.
 Береги — не сберечь, а длиннее
 от огня не становятся свечи.

В ком останемся мы, одногодки?
 Кто за мною грядущей порою
 на Сямозере вымокнет в лодке,
 олонецкой пройдет стороною?

Третья тысяча дверь отворила —
 кто наследует нам на пороге,
 чтобы звонкое имя карела
 понести по извечной дорожке?

Сколько света увижу дневного
 я из тысячи этой — не знаю,
 но с надеждою кровное слово
 в безыскусные руны слагаю.

Перевод Андрея Расторгуева

* * *

Удрученный метелью
 или сонной жарой,
 осерчав от безделья,
 не ругайся с женой.
 И, охваченный грустью,
 от слезы удержишь —
 не печалься, что к устью
 приближается жизнь,
 опускается к тине
 у озерного дна...
 Просто внемли картине
 восходящего дня.

Перевод Андрея Расторгуева

ЦВЕТОК

Мимоходом, просто не со зла
 Девочка ромашку сорвала.
 С лепестка слезинка побежала,
 Беззащитный стебель обожгла.

Скользкая тропинка солона,
 Болью отзывается она.
 В умиранье сладостного мало —
 Смерть обидной горечи полна.

В незаботном шуме ветерка
 Различи рыдание цветка —
 И короткий век его прекрасный
 Да не оборвет твоя рука.

Точно так же — не переменить —
 Жизни человечьей рвется нить:
 Ненароком, незначай, напрасно.
 А еще, казалось, жить да жить...

Лишь однажды драгоценный вздох
 Бог дает — и отнимает Бог.

Перевод Андрея Расторгуева

СПРОСОНОК

Окно еще тускло светится,
 Но хочется очень от снов
 Слетать за Большую Медведицу,
 В созвездие Гончих псов.

Оттуда в бескрайние шири.
 За мегапарсеков порог
 Махнуть за туманности Лиры,
 Где может пасть Козерог...

Но лучше спуститься на Землю,
 Удилище старое взять,
 Бежать, где камыш не дремлет,
 Где можно поймать язя.